

ЛАОНИК ХАЛКОКОНДИЛ

«История» (из книги VIII)

(Перевод и предисловие Е. Б. Веселаго)

ПРЕДИСЛОВИЕ

Период окончательного наступления турок на Византию, взятие Константинополя, гибель последних полусамостоятельных княжеств на территории бывшей империи, завоевание Пелопоннеса и островов Эгейского моря — все эти события в большей или меньшей степени затронуты в трудах византийских историков XV в. Среди них одно из самых выдающихся мест принадлежит Лаонику Халкокондилу.

Это особое место объясняется прежде всего тем, что только Халкокондил сумел осознать свою тему не как описание отдельных катастроф, неудач и страданий, а как историю гибели народа, гибели страны.

Уже первые строки вступления к «Истории» Халкокондила показывают, что автор хорошо понимал все значение событий, свидетелем и летописцем которых он был. Свою книгу Халкокондил начинает словами: «В этой истории записано то, что видел и слышал в своей жизни Лаоник Афинянин... Он хотел, чтобы все это стало достоянием потомков, считая, что то, о чем он пишет, не менее значительно, чем другие выдающиеся события, когда-либо происшедшие на земле»¹. Этими словами автор как бы указывает на связь между его трудом и трудом Фукидида². Эта связь не может быть сведена к умышленному подражанию, к заимствованию или архаизации, свойственной Лаонику. Это — уместное использование манеры письма Фукидида: это своеобразный эпиграф ко всему труду. Как Фукидид сознавал всю важность Пелопоннесской войны, затронувшей столько народов и оказавшей величайшее влияние на эллинов и варваров, так и Халкокондил понимал значение происходящих на его глазах столкновений, потрясших жизнь целого ряда народов. Фукидид и Халкокондил, уроженцы Афин, оба писали об исключительных событиях. И оба это понимали. Поэтому с полным правом Халкокондил мог подчеркнуть в первых же строках связь, существующую между его трудом и трудом Фукидида. Сознание такой связи показывает, как серьезно подошел Халкокондил к своей задаче.

Халкокондил дает в своей истории крайне широкий охват событий эпохи. В этом отношении он значительно превосшел остальных византийских историков XV в. Он рассказывает о народах и странах, так или иначе захваченных нашествием турок, рассказывает и о тех народах, которые этого нашествия непосредственно не испытали. Он упоминает множество событий, множество лиц. Поэтому нельзя рассматривать «Историю» Халкокондила только как источник по истории турок. Наступление турок нельзя рассматривать изолированно. Турки прошли не по пустыне: они встретили на своем пути народы юго-востока Европы, и эти народы оказали им стойкое сопротивление. Для нас работа Халкокондила важна прежде всего потому, что она дает возможность ознакомиться с историей сопротивления турецкому нашествию, с историей борьбы славян, албанцев и венгров против турок.

¹ *Laonicis Chalcocondylae Atheniensis Historiarum libri decem. Corpus Script. Hist. Byz., I, 3, 1. Bonnæ. 1843.*

² Вступление Фукидида начинается словами: «Фукидид-афинянин написал историю войны между пелопоннесцами и афинянами... Эта война будет войной важной и самой достопримечательной из всех предшествующих» (*Thuc. I, 1*).

Халкокондил стоит на стыке двух общественных формаций, и в его произведении мы можем проследить некоторые черты нового мировоззрения, присущего выдающимся писателям XV в. Это мировоззрение, родственное итальянскому гуманизму, сказывается и в географических описаниях, и в обилии описываемых стран, и в характере вставных рассказов, напоминающих новеллы, и в наличии такой главы, как глава о Тамерлане¹. Необходимо еще отметить и интерес писателя к вопросам естествознания. Он говорит о проблеме движения, о причинах приливов и отливов, — факт, приобретающий особое значение накануне открытия Ньютоном закона всемирного тяготения.

Халкокондил был не только историком, он был и крупным филологом. Это отчетливо видно в его труде. Он говорит не только о происхождении или расселении того или другого народа, он не забывает сказать и о языке этого народа. Особо останавливается он на языках славянских народов, всегда подчеркивая близость отдельных славянских языков между собой. О Халкокондилье, как о выдающемся филологе, говорит и его первый биограф, греческий врач Антоний Калосинас, писавший в Толедо в 1580 г.²

Не претендуя в этом кратком введении на окончательное разрешение сложной проблемы о социальных корнях византийского Возрождения XIV—XV вв., мы считаем, однако, необходимым искать эти корни в тех изменениях общественных отношений на территории империи, которые имели место в византийском городе и в византийской деревне и изучение которых еще только начинается в работах советских ученых.

Мировоззрение византийских авторов XV в. отчетливо проявляется в отношении того или много автора к туркам и способу борьбы с ними. Отношение Дуки и Франдзи было резко отрицательным, причем Дука ждал помощи с Запада, а Франдзи стоял на ортодоксальных позициях. В отличие от них Критовул откровенно перешел на сторону турок. Халкокондил, подобно Дуке и Франдзи, к туркам относился отрицательно. Для него турки — это люди, погубившие его страну. Его оценка турок не выливается в форму жалоб или возмущения, на что Халкокондил вообще чрезвычайно скуп. Его отрицательная оценка турок выражена в том, как он рисует поступки и речи самих турок. Он осуждает Турухана, который подстрекал пелопоннесских греков против албанцев, поддерживал раздор, выгодный туркам. Он рассказывает, как Мехмед II не столько приказывает, сколько просит своих янычар взять Константинополь, но горе им, если они не выполнят его просьбу. По мнению Халкокондила, держава турок растет и возвышается ценою гибели других народов. Говорит Халкокондил и об организации армии турок, говорит он об их финансах, отражая в этом ясное сознание беспомощности греков, оставшихся в критическую минуту без средств, без людей, в полной зависимости от помощи Запада. Характерной чертой мировоззрения Халкокондила является его вера в лучшее будущее своей страны, когда греки, надеется он (I, 4. 17), объединятся вокруг властителя-грека и будут управляться по своим законам.

Биографические сведения о Лаонике Халкокондилье очень скудны. По существу они ограничиваются только тем, что он сам говорит о себе.

¹ Итальянские гуманисты считали, что хорошему писателю современность дает много ценного материала для исторического сочинения. По их мнению, история Тамерлана представляет не меньше интереса, чем история Александра Македонского. Roggius. *De Variet. fort.*, liber I, 34. Те же мысли, и опять-таки с указанием на Тамерлана, в *Benedicti Aecoli. Dialogus de praestantia virorum sui aevi*, ed. Galetti, p. III.

² Ἀντωνίου τοῦ Καλοσυνᾶ ἱατροῦ φυσικοῦ προσέμιον καὶ εἰς τὸν βίον τοῦ Χαλκοκονδύλου. См. *Hopf. Chroniques Greco-Romaines inédites ou peu connues*. Berlin, 1873.

Прежде всего мы узнаем, что Лаоник родился в Афинах. Как известно, в первой половине XV в. в Афинах продолжали править флорентийцы Аччийоли. При Антонио Аччийоли (ум. в 1435 г.) город, бывший в полном запустении в XIII в., переживал известный расцвет, что было обусловлено прежде всего торговыми связями Аччийоли с итальянскими городами, в первую очередь с Флоренцией. Кроме того, сам Антонио, мать и жена которого были гречанки, поддерживал греческий элемент в Афинах, что не могло не способствовать усилению города.

Семья Халкокондила принадлежала к числу знатных афинских семей. Историк прямо называет своего отца ἀμείνων (V, 320, 20) и рассказывает о той роли, которую играл в Афинах его отец во время столкновений 1435 г. после смерти Антонио. Семья — γένος, как ее называет Халкокондил, судя по ее поведению в 1435 г., была одной из наиболее влиятельных семей в Афинах. Из этой же семьи происходил и первый издатель Гомера знаменитый Димитрий Халкокондил.

Года своего рождения Лаоник не называет точно. Вот что он говорит об этом: «Когда я родился, я застал эллинов и царя эллинов лишенными земли, отнятой у них сначала племенами фракийскими, а затем другими племенами. Оставалась лишь маленькая держава, а именно Византий и побережье ниже его до Гераклеи, а выше, по Эвксинскому понту, — до Месемврии. Пелопоннес же принадлежал ему весь, за исключением трех или четырех городов венецианцев. Кроме того, венецианцам принадлежали Лемнос, Имброс и острова Эгейского моря» (I, 8. 14). На основании того, что в числе владений Византии не упомянута Фессалоника, можно заключить, что Халкокондил родился во всяком случае после 1423 г., т. е. после продажи Фессалоники Венеции¹. На основании того, что Пелопоннес (за исключением венецианских городов) находился уже весь в руках греков, рождение Халкокондила относят к времени не раньше 1429 или даже 1432 г., в зависимости от того, что считать завершением перехода Пелопоннеса к грекам — переход ли владений Малатесты к Константину или владений Цаккари к Фоме.

Второе свидетельство биографического характера касается отца историка. Лаоник рассказывает (V, 320. 17), что после смерти Антонио Аччийоли в Афинах произошел ряд столкновений между итальянцами и группировкой, в которую, среди прочих, вошли отец историка и вдова Антонио — Мария Мелиссина. Столкновение окончилось победой итальянской стороны, удалением Марии, изгнанием семьи Халкокондилов. Отец же Лаоника, обратившийся за помощью к султану, был им посажен в тюрьму, откуда ему удалось бежать в Пелопоннес. В Афины он, вероятно, уже не вернулся.

Последнее свидетельство биографического характера связано с посольством греков к Мурату, после постройки стены на Истме в 1446 г. (V, 343. 9).

Этим послом был Халкокондил афинянин. Посольство закончилось неудачей, и посол был брошен в тюрьму. Но мы не можем сказать, был ли это сам историк, его отец или другой член этой многочисленной семьи.

Есть основание считать, что Лаоник умер в самом конце XV в. Труд его остался неоконченным.

Халкокондил писал свою «Историю» во второй половине XV в. Она распадается на 10 книг. Бегло затрагивая события самого конца XIII и всего XIV в., Лаоник подробно останавливается на истории XV столетия.

¹ Ср. E. Daskó. Zum Leben des Laonikos Chalkokondyles. BZ, 24 (1923—1924).

Работа внезапно обрывается на изложении хода турецко-венецианской войны.

Источники Халкокондила трудно установить. Он передавал то, что видел сам. Он расспрашивал людей, словам которых доверял (I, 4. 7). Он стремился наилучшим образом подобрать свой материал и самым тщательным образом его проверить, о чем он говорит неоднократно. Пользовался он и свидетельствами итальянцев и турок. Вероятно, в известной мере он знал иностранные языки. Нет сомнения, что он пользовался и письменными источниками, — быть может теми же, которыми пользовался и Франдзи. Насколько удачно использовал Лаоник свои источники и какие именно — это может выясниться лишь после специального исследования.

Стиль Лаоника близок к стилю Франдзи. Лаоник любит отступления. Но эти отступления не случайны: они обусловлены прежде всего прагматическим методом изложения. Общего хода изложения они не нарушают. К этим отступлениям относятся географические описания отдельных стран, вставные новеллы, рассмотрение научных проблем. Очень часто Лаоник вводит в повествование речи своих героев, следуя примеру Фукидида и других античных авторов. Стиль его страдает от некоторого количества повторений. Самым же большим недостатком его работы является полное отсутствие хронологических данных. Поэтому восстанавливать последовательность событий приходится, опираясь на хронологию других современных Халкокондилу авторов.

Язык Халкокондила — искусственный литературный язык его эпохи. Язык этот однообразен, и от этого сильно страдает яркость изложения. Лаоник однотипно строит фразу, повторяет одни и те же обороты, одни и те же слова. У него много отклонений от норм классического языка. Хотя Лаоник был хорошим филологом, но, повидимому, ему не удавалось проникнуться самым характером греческого языка. В целом же его изложение исключительно спокойно, без громких, трескучих слов или фраз, рассчитанных на то, чтобы произвести впечатление.

«История» Лаоника Халкокондила дошла во многих списках. Самые ранние из них относятся уже к XV в. Это свидетельствует о том, что интерес к писателю возник очень рано. Очевидно, автор был лицом известным, а спрос на его труд — большим. Датировка рукописей и оценка их по степени их научной ценности сделаны исследователем рукописного наследия Халкокондила Е. Дарко. В настоящее время имеется более двадцати списков, из которых *Mediceus-Laurentianus* и *Parisinus* были сделаны еще в XV в., *Aschburnham*, *Vaticanus-Palatinus* и *Bodleianus* стоят на грани XV и XVI вв., а все остальные относятся уже к XVI в. Среди рукописей надо особо выделить *Aschburnham*, *Vaticanus-Ottoboniensis*. Эти рукописи содержат одни и те же выдержки из труда Халкокондила, а именно только то, что относится непосредственно к Афинам. По разночтениям и замечкам на полях они настолько отличаются от всех других рукописей, что, по мнению Е. Дарко,¹ несомненно восходят к совершенно другому архитипу. Наличие таких выборочных рукописей заставляет предполагать специально-местный интерес, проявленный в данном случае к Афинам.

«История» Халкокондила издавалась неоднократно. Первое издание — J. V. Vassbach. *Historiae Byzantinae Scriptores*. Genevae, 1615. Затем она вошла в состав Парижского и Венецианского корпусов, а в 1843 г. была издана в *Corpus Scriptorum Historiae*

¹ E. Darkó. *Laonici Chalcocondylae historiarum demonstrationes*, vol. I—II. Budapest, 1922—1927.

Byzantinae (по этому изданию даны все ссылки и сделан перевод). Она переиздана также в томе 159 «Патрологии» Ж. П. Миня (PG, t. 159). Критическое издание вышло в Будапеште в 1922—1927 гг. под редакцией Е. Дарко. Первый латинский перевод выполнил еще до выхода греческого текста Сопг. Clauserus в 1556 г. Французских переводов было несколько: Blaise de Viginère (Paris, 1577) и ряд других. Роскошное издание дал Artus Thomas в 1620 г. Перевод E. de Mezeгау относится к 1660 г. На немецком языке имеются отдельные отрывки (описания стран) у К. Dieterich. Byzantinische Quellen zur Länder- und Völkerkunde, I, II, Leipzig, 1912. Отрывки на венгерском языке в «Хрестоматии по венгерской истории» Magyar történelmi olvasókönyv, 1905. Все полные переводы, в том числе и латинский, с современной точки зрения неудовлетворительны. В них допущены небрежности, пропуски, произвольные вставки переводчиков.

Литература о Лаонике Халкокондиле не велика. В русской литературе специальных работ о нем нет. Обычно о нем упоминают лишь как об источнике для изучения событий 1453 г., высказывая самые общие замечания. (См. П. Д. Погодин. Обзор источников по истории осады и взятия Византии турками в 1453 г. ЖМНП, 264 (1899), август, стр. 222—223.) Ср. также W. Miller. The last Athenian Historian: Laonikos Chalkokondyles: JHS, 42, 1922; E. D a r k ó. Neue Beiträge zur Biographie des Laonikos Chalkokondyles, BZ, 27, 1927; его же. Neuere Angaben zur Biographie des Laonikos Chalkokondyles. II-e Congrès Internationale des études byzantines. Belgrad, 1929. A. A. Vasiliev. La Guerre de Cent Ans et Jeanne d'Arc dans la tradition byzantine. Byz. 3, 1926; A. Nimet. Die türkische Prosographie bei Laonikos Chalkokondyles. Hamburg, 1933.

Мы печатаем перевод отрывка VIII книги «Истории» Халкокондила, который содержит описание осады и взятия Константинополя турками. Сам Лаоник не был свидетелем осады. Ход военных действий и положение осажденных он описывает менее подробно, нежели Франдзи или Дука. Однако исключительная строгость подхода к своей задаче и стремление Лаоника к тщательной проверке сообщаемых сведений заставляет внимательно отнестись и к его описанию осады. Отрывок написан в характерной для Халкокондила спокойной манере. Под этим спокойным тоном скрывается и презрение к недалекости и беспомощности императорской власти, и полное безразличие к судьбе самого Константина. Под тем же спокойным тоном скрывается уважение к погибшим при защите города грекам, не захотевшим видеть, как говорит Лаоник, своих близких рабами, а родину — пораженной (VIII, 397. 21).

ЛАОНИК ХАЛКОКОНДИЛ

«История». Книга VIII

В начале следующего лета¹ Мехмед, сын Амурата, заготовив в Азии огромное количество извести², начал строить в Европе крепость, называемую Лаймокопия.

Он строил ее вблизи Пропонтиды, на Босфоре, в том месте, где переправа из Азии была наиболее короткой. Привлекая туда людей из Азии и людей из

¹ 26 марта 1452 г.

² Несколько иначе сказано об этом у Дуки (стр. 241, 12): Дука говорит, что для постройки крепости привозили с востока камень λίθους, а известь ασβεστός делал из хатаφύσιος. В Комментариях Буллиальда (стр. 608) к этому месту Дуки высказано осторожное предположение, что местом, названным Дукой, является находящаяся на азиатском берегу хатаφύσιον.

Европы, он принялся за дело, разделив работу между стратигами и ипархами. Царь строил эту крепость для того, чтобы сделать безопасным свое возвращение на родину и чтобы люди с Запада, придя на триерах, не были в состоянии помешать его переправе или изменить положение его дел в Азии. Эта крепость должна была быть ему очень полезной и при осаде Византии. Царь строил три башни, самые большие из всех нам известных, с тем, чтобы, опираясь на них, защищаться от плывущего по морю врага. Две башни он сооружал со стороны суши, третью, самую большую, строил на берегу¹. Башни он крыл свинцом. Толщина крепостной стены была 22 фута. Ширина башен даже больше того — 30. Построив в три месяца крепость, царь начал войну с Византием набегом на окружающую его местность.

Не дожидаясь лета, едва только установилась весна², Мехмед, сын Амурата, пошел походом против Византии. Он упорно думал об этом походе как до, так и после постройки на Пропонтиде крепости Лаймокопии. Из Азии и Европы вызывал он людей на побережье строить суда, хотя там еще стояла суровая зима. Он снаряжал корабли и триеры, он лил пушки, самые крупные из всех, где бы то ни было известных нам в то время.

Решив, что уже наступило время отправляться в поход, царь послал вперед с европейским войском стратига Европы Сарадзу, приказав везти и большую пушку. Говорят, она была так тяжела, что ее волокли 70 пар быков и до 2 тыс. человек.

Прибыв на место, Сарадза прежде всего взял расположенные около Византии башни. В них укрывались работавшие на полях земледельцы. Одни башни Сарадза принудил к сдаче голодом, другие взял с бою, а людей, уведя оттуда, зарезал. И тогда же, заодно, он опустошил окрестности Византии.

Через некоторое время к Византию подошел сам царь и стал лагерем от моря до моря.

Пространство направо от царя до так называемых Золотых ворот было занято лагерем всего азиатского войска. Налево — до так называемых Деревянных — встало войско Европы. Между ними — сам царь с янычарами и теми людьми ставки, которые обычно разбивали свои палатки около царской. Зять же царя, Заган, построил свое войско в местности, лежащей на другом берегу, выше Галаты. Говорят, все войско доходило до сорока мириад. Что же касается вьючного скота, то число его в царском лагере, пожалуй, вдвое превосходило число людей. Ведь турки пригоняют в лагерь скот в таком большом количестве для того, чтобы он вез достаточно корма для себя и для [боевых] коней. Вез он и продовольствие для людей. Из всех известных нам народов только турки, куда бы они ни отправлялись в поход, так обеспечивают себя продовольствием, чтобы оно было у них в достаточном количестве.

Они гонят с собою верблюдов, множество мулов, груженных припасами. Мулов гонят и для других своих потребностей. Некоторые ведут с собой лошадей, верблюдов и своих самых красивых мулов — из желания похвастаться ими.

Вскоре после прибытия царя к Византию к нему по морю подошел и флот, триер — до тридцати, малых же судов около двухсот.

Узнав о приближении царского флота, эллины протянули по морю железную цепь от лежащей на другом берегу Галаты до стен Византии,

¹ О постройке этих башен см. Франдзи, стр. 234.11.

² 2 апреля 1453 г.

около так называемого акрополя. Суда, находившиеся в то время в Византии, пришедшие одни — на помощь, другие — по делам торговли, эллины поставили за цепью. Так думали они помешать царскому флоту проникнуть во внутрь, в залив Византия. Этот залив тянется вдоль города на протяжении 80 стадий, а дальше, в глубь материка — на 150.

Стена города со стороны залива не очень крепка, и залив около нее не глубок, так что судам трудно по нему плыть.

Со стороны же суши город защищен двумя стенами. Одна большая, надежная, другая меньше, но с наружной стороны ее находится ров. Он выложен камнем. Ширина рва — плетр. Царь и эллины решили обороняться, построившись на наружной стене, так как она была защищена рвом. Они вновь повторили свой старый прием, примененный ими против Амурата, когда он, в свое время¹, осаждал город.

И вот царь немедленно с разных сторон пододвинул к городу много осадных орудий, установил две пушки и начал бить по городской стене.

Одну пушку он поставил против дворца эллинских царей, другую — против так называемых ворот Романа, за которыми стоял сам эллинский царь.

И во многих других местах турецкого лагеря были установлены пушки, из которых стреляли по эллинам. Но те две были самые большие и метали камни весом в 2 таланта с лишним.

Говорят, что эти камни черного цвета, по поручению царя, привозили в его лагерь с Эвксинского понта.

Пушкарь царя был родом дак, звали его — Орбан.

Он жил сначала у эллинов, но, не имея средств к существованию, покинул их и пришел в ставку царя. Нанятый тогда же за большую плату, он изготовил царю знаменитые пушки.

Из пушек стреляли следующим образом. Сначала стреляли из пушек меньших размеров, стоявших по сторонам большой. Пускали камни весом по полталанта. Эти два камня разрушали стену. Вслед за ними метали большой камень весом в 3 таланта. Он обрушивал значительную часть стены.

Этот необыкновенного веса камень, пущенный со сверхчеловеческой силой, наносил невероятный вред. Говорят, при полете этого камня стоял непереносимый гул и земля сотрясалась на 400 стадий вокруг.

Пушки обрушивали наружную стену и ее башни. При этом они нанесли повреждения и внутренней стене.

Днем пушкарь метал семь камней, ночью — один, днем получал указание, куда ему нужно стрелять ночью. И, конечно, сначала эллинов охватил безумный ужас. Янычары и остальное бывшее в лагере войско принесли из лагеря к городским стенам и засыпанному² рву обтянутые белым и красным войлоком осадные щиты. Сделав насыпь у наружной стороны рва и проделав в ней отверстия, они стреляли в эллинов из пушек, пускали стрелы.

Для эллинов же турки были невидимы и недостигаемы, повредить им было невозможно.

Рыл царь и подземные ходы, ведущие под стену. Его землекопы соорудили четыре высокие башни на катках. Установили и укрепления³, чтобы с них немедленно начинать поджог города. Впрочем, подкоп не удался:

¹ 1422 г.

² Франдзи, 242.16

³ Ελιπίρεια.

эллины, заметив, что враги роют подземные ходы, сами стали рыть навстречу. Продвинувшись вперед, они обнаружили землекопов царя. С помощью огня вытолкнули турок и овладели ходами. Сделал царь и высокую деревянную башню, а в ней много ведущих наверх лестниц, чтобы подняться по ним на стену и перейти ее. Так приготовился царь к осаде города с суши.

Ввиду невозможности проникнуть в глубину залива со стороны моря, чтобы уже со всех сторон нападать на город, царь решил вытянуть суда на берег около лагеря Загана и перетащить их в залив.

И здесь через горы, волоча суда по земле, он протащил их с парусами на берег около лагеря Загана и перетащить их в залив.

Он переправил до 70 пятидесятивесельных и тридцативесельных кораблей и подготовил все для спуска их на следующий день в залив. А здесь на берегу залива люди царя приготовили пушки и собирались дать отпор тому, кто задумает напасть и помешать спуску кораблей на воду.

Увидав на берегу залива готовые к спуску суда, эллины посадили людей на все имевшиеся у них корабли и двинулись на врага. Они хотели, если смогут, сжечь корабли турок.

Как было решено, так и сделали. Посадив людей и вооружившись, эллины поплыли, стремясь сжечь вытасенные на берег суда. Однако турки заметили их наступление, пустили в ход пушки и повредили из числа эллинских кораблей два тридцативесельных, которые тотчас стали тонуть. Люди, не умевшие плавать, немедленно погибали. А те, кто выплыл на берег к туркам, были [ими] взяты в плен. С наступлением дня турки отвели пленных к воротам города и убили там. И эллины — было, конечно, и у них в оковах некоторое количество взятых в плен турок — убили своих пленных. Они привели их к зубцам стены, находившейся против лагеря турок, и предали казни. Эллины хотели, чтобы участь пленных той и другой стороны была одинакова.

Корабли же царя, так как никто не мешал больше спустить их на воду, поплыли к городу.

Тогда царь немедленно стал строить мост между городом и лежащей напротив него так называемой землей Керамарейцев. Соединяли попарно деревянные бочки, связывали их крепко друг с другом, чтобы по ним, как по мосту переправить войско Загана из лагеря в город.

Таким образом, Византий оказался обложенным со всех сторон. Положение его и эллинов становилось тяжелым. Так как Византий занимал большое пространство (ведь окружность его, большая, нежели окружность других современных нам городов, достигала приблизительно 111 стадий) и так как люди были расставлены по всему городу, он оказался не очень-то хорошо защищенным. В продолжение сорока дней турки настойчиво били по стене из пушек и обрушили значительную ее часть, четыре башни и другие укрепления¹. Били они также и по большой стене. Обрушили и ее башни.

Сначала и эллины поставили на стене имевшиеся у них пушки, метали камни весом в три полуталанта и целились в пушку царя. Однако они ничего не достигли, но только расшатали и повредили свои стены. А пушка побольше разорвалась при первом же выстреле. Эллины обвинили своего пушкаря в том, что он подкуплен царем и хотели предать его казни. Впрочем, не имея ясных улик для обвинения, отпустили. Участки стены, разрушенные пушками царя, эллины спешно укрепляли по ночам, загораживая лестницами и деревянными бочками.

¹ *Επιβόρια.

В то время как это происходило, царю сообщили, что с Эгейского моря к Византию плывут корабли. Это были два грузовых судна с хлебом. Одно, более крупное — генуэзцев, другое — царя эллинов. Узнав об этом, царь как можно скорее посадил людей на триеры и другие суда и послал на встречу кораблям, находившимся уже близко и шедшим к городу с достаточно сильным попутным ветром. Против этих кораблей вышли в море триеры и прочие суда турок.

Сначала турки напали на греческий корабль. Он скоро был бы взят, если б корабль генуэзцев не повернул к нему на помощь, и не понесся на триеры турок. Царь въехал на коне в море и кричал с берега, ободряя своих. Спасшиеся все же таким образом корабли вошли в гавань. В этом бою был ранен в глаз наварх царя Пантогл и, как он сам говорил царю, своими же. Он уверял, что если бы не рана, он взял бы корабли эллинов. Впрочем, благодаря ране он избежал наказания, и царь не сделал ему ничего плохого. А тех, кого подозревал в покушении на наварха, царь схватил и посадил в тюрьму, собираясь убить.

Когда стена была уже настолько разрушена, что янычары при приступе могли бы ворваться в город, царь приказал, как полагается, зажигать в лагере огни. Делал он и другие приготовления, собираясь через день двинуться на приступ.

Глашатай объявлял в лагере, что царь отдает войску город на разграбление, а жителей — в рабство.

Рассказывают ведь и следующее. Когда стена была разрушена пушками, сын синопского архонта Скендера, по имени Исмаил, начал переговоры с эллинами относительно мира. Говорил он так: «Эллины, вы сами знаете, вы находитесь на краю гибели. Что не пошлете к царю посла для переговоров о мире? Если вы захотите поручить это дело мне, я добьюсь для вас мира. Конечно, я хорошо знаю, что вы будете обязаны мне благодарностью, если я сделаю это для вас. Если же это не случится, город ваш будет порабощен, царь вас всех погубит. Жен и детей ваших мы сделаем рабами, и вы испытаете непереносимые страдания. Итак, пошлите как можно скорее верного человека. Я приведу его в ставку царя и добуду для вас мир». Это сказал он на совете грекам. Было решено послать вестника, поручив узнать, каково намерение царя, в чем оно заключается. Только после этого эллины хотели решить, что им выгодней сделать.

Узнать намерение царя они послали человека незнатного. Когда он, приведенный Исмаилом, явился в ставку, царь потребовал от греков ежегодно уплачивать ему десять мириад. Если же эллины не в состоянии уплатить, пусть оставляют город и уходят со своим имуществом куда кому угодно. Когда это было сообщено эллинам, они стали советоваться и решили лучше снова подвергнуться опасностям осады, чем, сев на корабли, покинуть город без боя.

Мне же кажется, что царь требовал это для вида, желая узнать настроение эллинов, а вернее, видя пришедшие в негодность укрепления¹, он хотел знать, что думают о себе сами эллины, считают ли они свое положение твердым. Эллины ответили только то, что я сказал.

Когда все было готово для приступа, царь созвал янычар и обратился к ним с такой речью:

«Янычары, сыновья мои, куда бы ни шел я походом, самые прекрасные подвиги всегда совершали вы. Взять этот город зависит от вас. Но знайте и то. Я вас спрашивал и вы отвечали, что взять этот город возможно. Надо только, чтоб я разрушил вам его стены. Вода вас вокруг города,

¹ В тексте: *ορύματα*

я спрашивал, достаточны ли уже разрушения. И насколько вам было нужно, настолько я стены разрушил. Теперь же, когда пришло время итти на приступ, я говорю вам следующее. Вы, во всех боях заслужившие себе и прежде и теперь великую славу, покорите мне это царство. Знайте, много есть земель¹ в Азии и Европе. Лучшую из них дам я первому поднявшемуся на стену. Я отплачу ему как следует, я дам ему в награду богатую область, и люди нашего племени назовут его участь блаженной.

Но если я узнаю, что кто-либо вернулся в палатку, а не сражался на стене, то, даже если бы он скрылся, улетая на крыльях, бегство не спасет его от мучительной смерти.

Идите на этот самый прекрасный и праведный бой. Будут у вас рабы, за которых вам много дадут, будут и женщины, и дети, и большие богатства этого города!»

В ответ на эту речь декадархи² и лохаги³ стали успокаивать царя, обещая, что они будут врываться в город, не оглядываясь. Это были как раз те декадархи и лохаги, которых царь водил раньше вокруг городских стен и спрашивал, можно ли уже ворваться в город. Они же просили стены разрушить еще до того состояния, которое им казалось достаточным. Теперь же они просили, как милости, вернуть людей, схваченных за покушение на наварха. Их ведь подозревали в том, что они ранили в глаз наварха. Царь согласился и отпустил людей в угоду янычарам. Затем царь решил итти на приступ. Он послал в лагерь глашатая объявить, что на рассвете двинется на город. Отличившемуся он обещал награду; не вышедшему в бой — наказанием была назначена смерть. Захиды⁴, обходя лагерь, напоминали воинам об ожидающей их по учению пророка посмертной славе, говоря, что павшим в бою пророк обещал блаженство. Говорили и другое, что у них полагается.

Эллины приказали генуэзцу⁵, прибывшему к ним на помощь с большим кораблем и тремястами гоплитов, стать там, где поместился сам царь и где именно янычары собирались ворваться в город.

Они давали это приказание, желая, чтобы он со своими гоплитами именно там приготовился отражать врага. В то же время и сам царь эллинов, готовый притти на помощь со своими людьми, стоял недалеко от него. И кардинал сарматский Исидор⁶, о котором я упоминал раньше⁷, находился тогда в Византии и помогал подвергшимся нападению эллинам. Приехал он незадолго до осады, чтобы созвать собор и помирить эллинов с архиепископом римлян⁸. Но эллины слишком поздно, во всяком случае, пришли к соглашению с ними.

Решив итти в бой с утра, царь начал наступление на рассвете (был же день Ареса)⁹. На рассвете раздался звук кимвал, заиграли флейтисты и трубачи, царь двинул войска. Везде, окружая город, приготовились варвары к бою и, бросившись вперед, стали храбро сражаться. Со стороны стены, обращенной к заливу, эллины защищались всего решительнее, отбили врагов и, отрубив головы у поднявшихся кое-где по лестницам турок, удерживали стену. В том месте, где наступал сам царь, янычары в стреме-

¹ Ὑπαρχία.

² Начальник над 10 солдатами (лат. decurio).

³ Начальник над 100 солдатами (лат. centurio).

⁴ Шейхи.

⁵ Джованни Джустиниани Лонг.

⁶ Киевский митрополит Исидор. Халкокондил называет народы старинными именами. Сарматами он называет русских.

⁷ Стр. 293.14.

⁸ Римский папа.

⁹ 29 мая 1453 г.

тельном натиске стали теснить генуэзцев. И сам Лонг¹ был ранен пушкой в руку, и были легко ранены другие гоплиты. Они оставили место, где стояли. Тотчас, пробиваясь сквозь ряды защитников, турки стали врываться в город, отражая нападение [противников, атакая на] генуэзских гоплитов, наседая на них и убивая [их].

Итак, Лонг ушел. За ним стали уходить гоплиты, так как янычары теснили их. Царь эллинов, заметив, что генуэзцы покидают свои места и дают проход врагу, тотчас подбежал и спросил Лонга, уходит ли он. А когда [тот] ответил, что турок ведет здесь бог, царь, обратившись к Кантакузину и тем немногим, кто был с ним, сказал: «Пойдемте, друзья, на этих варваров». И Кантакузин погиб, как герой, и царь был вынужден отступить. А янычары, наступая, преследовали и ранили царя Константина в плечо. И он умер.

Видя, что янычары побежали по большой стене, поражая сверху стрелами и бросая камни, и видя, что под их натиском побежали люди Лонга, бросились бежать и остальные защитники города. Всякий, спасаясь, стремился вырваться наружу.

Когда бегущие достигли так называемых ворот Романа, они стали давить друг друга и тут же падать, а вновь прибывающие падали на них. Взираясь по телам, стараясь пробиться через толпу рвущихся к спасению людей, еще живые, они так тесно сгрудились у ворот, что выхода оттуда не стало никому. И так в громадном количестве гибли они бесславно. Жалкое зрелище представляли они, [торопясь] обогнать друг друга и загородить ворота телами еще живых эллинов. А янычары, перейдя большую стену (ведь значительная часть ее была разрушена пушками), бросившись в разные стороны, разбежались по городу и принялись за грабеж.

Как только распространилась весть, что город взят, побежали и остальные эллины. Одни бежали к гавани на корабли венецианцев и генуэзцев. Многие спешно и беспорядочно бросались в лодки и гибли, так как лодки тонули. И случилось то, что всегда бывает при всеобщем смятении, когда все как придется и в беспорядке ищут спасения. Но эти все же успели убежать от турок. К несчастью, сторожа у ворот, увидев эллинов, устремившихся к судам и ищущих спасения в бегстве, думали, что, заперев эллинов в городе, они вынудят их возвратиться и защищать его. Утвердившись в этом мнении, они бросили ключи от ворот за стену.

Они, думаю я, действовали так под влиянием расстроившегося в городе пророчества, утверждавшего, что, когда враг в своем наступлении дойдет до того места в городе, которое называется Тавр², защитники по необходимости сомкнут свои ряды, прогонят врагов и сами овладеют городом.

Новые беглецы все время прибывали. Образовавшаяся здесь толпа мужчин и женщин бросилась к самому большому храму в городе, к св. Софии. Тут собрались мужчины и женщины, и дети. Позднее, впрочем, они были взяты турками в плен без боя и не мало мужчин было убито турками в храме. Другие эллины, скрывавшиеся в разных местах города, также находились в бедственном положении. Немного спустя один из них был убит, другие захвачены в плен. А многие, храбро сражаясь погибли за родину. Они не хотели видеть своих жен и детей попавшими в неволю. Все это происходило в то время, когда, ища смерти, мужественно бился и пал здесь Феофил³ из рода Палеологов, когда погибли и

¹ Джустиниани.

² Площадь в Константинополе.

³ Феофил Палеолог. Математик. Защищал город на левом фланге.

принимавшие участие в этом бою Палеологи, отец¹ с сыновьями. Тогда же доблестно пали многие эллины, окружавшие царя, не желавшие видеть свою родину потерявшей свободу.

Все улицы города были полны убивающих и умирающих, преследующих и бегущих. А судьба Нотары², гармоста царя, и Орхана, внука Мусульмана³, по словам самих эллинов, была такова. Узнав, что город взят, они прибежали к какой-то городской башне. Они хотели посоветоваться, что им вообще делать. Придя в башню, Орхан, надев рубище какого-то монаха, прыгнул с башни и погиб.

Осажденные в башне спутники Нотары, вместе с ними он сам и сыновья его, были взяты в плен около полудня.

Янычары немедленно привели в лагерь царя огромное количество женщин и детей из самых знатных эллинских семей, принесли из города большие сокровища и таким образом очень разбогатели.

Перед глазами зрителя расстилался лагерь, полный призывающих друг друга мужчин и женщин, полный детей, безумно испуганных этим ужасным несчастьем. Из города уносили в лагерь золото и серебро. В избытке оказались в нем драгоценные камни. Все в нем было завалено разной одеждой. В один день в этом лагере оказалось столько знатнейших пленников, сокровищ и другого имущества, что многие янычары не знали, куда девать свое богатство. Хотя драгоценные камни продавались дешево, так как янычары не знали, за сколько их надо продавать, они все же стали очень богаты. Бывало иногда, что они продавали золото, думая, что это медь.

Тогда же был взят в плен и Исидор, кардинал Сабинский⁴. Приведенный в Галату, он был продан, но сел на корабль и бежал в Пелопоннес. Если бы царь знал, что это кардинал Исидор, он убил бы его, а не дал бы бежать. Теперь же, думая, что Исидор погиб, царь не спрашивал о нем.

Но при каких обстоятельствах погиб царь эллинов, никто из янычар сказать не мог. Он оказался в городе со многими другими. Скончался он, процарствовав три года и три месяца. Было взято в плен много знатных венецианцев, находившихся в городе по торговым делам, и много других, приехавших в город с триерами. Эллины задержали их на основании договора о союзе, с тем чтобы они помогали им в наступившей тяжелой беде. Притан венецианцев был приведен к царю и убит, после чего остальные венецианцы были отпущены на свободу.

Пока это происходило, и пока все, в том числе и моряки царского флота, были заняты грабежом, триеры венецианцев снялись с якоря и плыли по Геллеспонту. На третий день без людей они приплыли к Эвбее. Ведь эллины сняли с триер большинство людей и поставили их на линию башенных зубцов, защищать город. Этих людей взяли в плен. Некоторые были даже убиты. А триеры, приплывшие к Эвбее, стали вестниками несчастья Византия. Жители острова не знали, куда им бежать. Они думали, что несчастье обрушится на них немедленно. Население почти всех островов Эгейского моря обратилось в бегство. Властели и жители Пелопоннеса в ужасе устремились к морю. Вследствие этого позднее произошло отпадение живших в Пелопоннесе албанцев.

Сразу после взятия Византия царь повелел зятю своему Зогану идти на лежащий на другом берегу город Галату. Зогану было дано приказание помешать генуэзцам выступить на кораблях против царя, приказать жите-

¹ Никифор Палеолог, зять Дмитрия Кантакузина. Оба стояли в центре города с запасными войсками.

² Лука Нотара, великий дука.

³ Султан Сулейман I.

⁴ Киевский митрополит Исидор был кардиналом Сабинским.

лям оставаться каждому на своем месте и не позволять никому из них сесть на корабль.

Глава города Галаты¹, узнав о том, что царь взял Византий, страшно испугался, как бы царь, двинувшись на них, не поработил Галату, как он сделал это с Византием. Поэтому, взяв ключи от города, он пришел к царю и сдал ему город. Он сказал, что жители вверяют свою судьбу царю и выражают желание впредь повиноваться ему, исполняя его приказания. Тогда-то царь послал Зогана принять город и запретить кому бы то ни было садиться на корабли. Но жители Галаты, увидевдвигающиеся на их город турецкие триеры, поспешно бросились к кораблям. Турки удержали их, а некоторых для устрашения убили. Зоган вошел в город, устроил все городские дела и назначил царского архонта.

И вот став в один день властителем двух городов, из которых один он взял в бою, а другой ему сдали, царь приказал жителям скрыть городские стены, обращенные к суше. Делал он это для того, чтобы, в случае прихода кораблей из Италии, жители не задумали бы отложиться. Если же стены со стороны суши будут скрыты, а царю снова будет угрожать война, он свободно войдет в город и легко овладеет им.

Оставшихся в живых эллинов, главным образом самых знатных из них, отвели в Галату. Некоторые при этом освободились. Нотару, притана царя эллинов, выкупил сам царь, и жену его, и детей. Он выказал внимание к Нотаре и беседовал с ним некоторое время о том, что его интересовало, спрашивая о судьбе семьи, о военной помощи, которая, он знал, ожидается из Италии². Отпущенные на свободу эллины снова собрались в Византии, выкупали родных и близких, но немного позднее царь их убил.

Дошло до царя, что у Нотары есть сын, двенадцатилетний мальчик. Послав к Нотаре одного из своих внуков, он потребовал мальчика к себе. Нотара, услышав слова внука, пришел в ужас, не стерпел и сказал: «Евнух, это перенести невозможно. Царь отнимает наших сыновей, хотя в настоящее время ни в чем не может нас упрекнуть. Ведь выкупив нас, старую вину он простил нам. Если таким образом поступает он с нами, зачем не велит он предать нас самих позорнейшей казни?» Так ответил Нотара и добавил, что, будучи невиновен, он никогда добровольно не отдаст сына.

Хотя евнух настаивал и убеждал не говорить так и не обращаться так смело с царем, потому что это принесет немедленную гибель, он не убедил Нотару. Вернувшись к царю, евнух передал ответ эллинов. Царь тотчас приказал зарезать Нотару вместе с сыновьями и со всеми, кто был при нем.

И вот когда к Нотаре пришли люди, посланные, чтобы его убить, он просил сначала на его глазах убить детей. Его же убить после них. Сыновья, страшаясь смерти, просили отца отдать все деньги, которые у них были в Италии, и этим сохранить им жизнь. Он же не согласился и приказал храбро идти на смерть. Их убили первыми. Потом он дал убить себя. Немедленно после убийства Нотары и близких ему людей царь приказал зарезать и тех эллинов, которые жили в Византии на свободе. И они были зарезаны. Так бесславно они погибли. Царь пошел на это убийство, так как его подстрекал один из живших в Византии эллинов, с дочерью которого сошелся царь. Он любил ее, он был без ума от этой женщины.

¹ Подеста Галаты Анджело Джованни Ломеллино.

² Место по переводу спорное (стр. 401, 18). Латинский переводчик рассматривает *συγγεναι* как инфинитив от *συγγενεωμαι*, а не от *συγγινημι*. Между тем Халкокондил употребляет *συγγενεωμαι* с дательным падежом; *συγγινημι* во всех случаях он употребляет с родительным.

Целиком поглощенный своей страстью, он и к родственникам ее был милостив. Под ее влиянием, говорят, убил он эллинов. Вот все, что случилось с эллинами Византия.

Кажется, что это несчастье было величайшим из всех происшедших на земле. По сравнению с ним страдания оно приближается к несчастью Илиона. Казалось, будто гибель эллинов от рук варваров была наказанием за Илион. И, таким образом, получилось, думали римляне, что эллинов постигло возмездие за разрушенный ими некогда в древности Илион. Итак, вот что произошло до сих пор.

А. С. АНАСЯН

АРМЯНСКИЕ ХРОНИСТЫ О ПАДЕНИИ КОНСТАНТИНОПОЛЯ¹

Падение Константинополя произвело огромное впечатление в странах сопредельных с Византийской империей и особенно в Армении. Описанию этого события посвящены два выдающихся памятника армянской литературы XV в. — стихотворные хроники Абраама Анкирского и Аракела Багешского.

Оба автора принадлежали к высшим армянским сословиям и занимали одну общую позицию в отношении к Византии и ее врагу — туркам, однако они выступают в качестве представителей различных политических направлений.

Абраам Анкирский открыто отстаивает ортодоксально-православную точку зрения и обвиняет в гибели Византии западноевропейцев, которые обуславливали обещанную ими помощь Константинополю догматическими уступками со стороны греков. Он пишет:

А царь Стамбола
Совсем был бессилен,
К франкам он обратился,
Чтоб на помощь поспешили.
Но безжалостные латиняне
Непристойное захотели взамен:
«Обратись в нашу веру,
Предоставь нам твой город»².

В отличие от него Аракел Багешский стоит на позициях так наз. западников (латинофилов), возлагавших надежды на помощь Запада.

Эти различия во взглядах двух армянских авторов на одни и те же события свидетельствуют о том, что они сами являлись выразителями различных направлений армянской общественной мысли.

Абраам Анкирский родился в Малой Азии, в городе Анкира. Кроме «Плача на взятие Константинополя», его перу принадлежит «Хроника армянской истории»; ему приписывается также несколько песен на разнообразных сюжетах³.

Аракел Багешский, известный поэт и литературный деятель, родился в деревне Пор, неподалеку от города Багеш в Армении (нынешний

¹ Тексты подготовил к изданию А. С. Анасян. Перевод с древнеармянского С. С. Аревшатяна.

² Абраам Анкирский. Плач на взятие Константинополя, строки 33—40.

³ См. нашу работу «Армянская письменность с начала до XVIII века включительно». — «Опыт полной библиографии», т. I, ч. 1 (рукопись находится в архиве Института истории Академии Наук АрмССР); стр. 50—54.